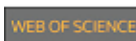

Соколов С. В. Происхождение «народа и имени российского» от племени роксолан : к вопросу о бытовании идеи в коммуникативном пространстве раннего Нового времени / С. В. Соколов // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 364—378. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-364-378.

Sokolov, S. V. (2019). Origin of the “People and the Name of the Russian” from the Roxolan Tribe: on the Question of the Existence of Ideas in the Communicative Space of Early New Age. *Nauchnyi dialog*, 12: 364-378. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-364-378. (In Russ.).

УДК 930.1(470)“17”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-364-378

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «НАРОДА И ИМЕНИ РОССИЙСКОГО» ОТ ПЛЕМЕНИ РОКСОЛАН: К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ ИДЕИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

© Соколов Сергей Васильевич (2019), orcid.org/0000-0002-2647-7355, ResearcherID J-6837-2017, SPIN 4691-5112, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), stg.sokolov@gmail.com.

В статье рассматривается вопрос о возникновении, функционировании и эволюции в историописании раннего Нового времени идеи, возводящей происхождение русского народа к роксоланам. Особое внимание уделяется изучению трансфера роксоланской идеи от итальянских гуманистов эпохи Возрождения через польских историописателей XVI века в работы российских историков XVIII — начала XIX веков. Автор подробно останавливается на аргументации в пользу роксоланской концепции. Показано, что историописание Нового времени следует рассматривать как единое коммуникативное пространство, обеспечивавшее информационный обмен между историками различных регионов. Автор приходит к выводу о том, что в роксоланской версии мы имеем дело с мощной интеллектуальной традицией, связанной с этногенетическими поисками раннего Нового времени. Доказано, что эти поиски являлись типичными для различных национальных школ историописания. В статье представлен обзор работ современных последователей роксоланской концепции и сделан вывод о том, что в этих попытках можно усмотреть своеобразный диалог с доначным знанием и определенную инерцию ученых идей раннего Нового времени.

Ключевые слова: роксоланы; сарматизм; коммуникативные поля; историография Ренессанса; М. В. Ломоносов.

1. Историография и постановка проблемы

В современной российской исторической науке существует группа ученых, убежденных в том, что сарматское племя роксолан сыграло определенную роль в этногенезе русского народа или, по крайней мере, дало ему свое имя. Многие из этих ученых причисляют себя к антиномаристам. Среди участников этой группы следует назвать в первую очередь Е. С. Галкину и Я. Л. Радомского, посвятивших роксоланской проблеме монографию и диссертации [Галкина, 2002; Радом-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ 33.8064.2017/БЧ «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации».

ский, 2004]. К ним можно добавить имена еще не менее десятка историков, включая живого классика современного российского антинорманизма В. В. Фомина, а также покойного А. Г. Кузьмина [Кузьмин, 2003; Фомин, 2005].

Оппоненты названной группы полагают, что роксоланская гипотеза исторически недостоверна, лингвистически наивна и, как и другие этимологические построения антинорманистов, является типичным случаем народного этимологизирования [Мельникова, 2009, с. 56]. Тем не менее роксоланская версия прокладывает себе дорогу и в публичное поле. Несколько лет назад на телеканале «Культура» появился фильм, где утверждается, что потомки роксолан основали так называемый Русский каганат [Предки ..., 2014].

Важно отметить, что роксоланскую версию, несмотря на всю критику и весьма далекое от исторической Древней Руси хронологическое и территориальное положение роксолан, за последние полвека всерьез рассматривали и историки, не ассоциировавшие себя напрямую с антинорманизмом. В частности, археолог В. В. Седов (вслед за лингвистом О. Н. Трубачевым) полагал, что в имени *роксолан* могла отразиться та же основа, что и в имени *русь* [Седов, 2002, с. 273—274]. Подобные идеи высказывал и Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 1982, с. 84—85]. Очевидно, что за современными инкарнациями роксоланской версии стоит определенная традиция.

Единственное специальное современное исследование, посвященное источникам российского «роксоланизма», принадлежит А. В. Плетневой, представляющей «липецкую школу» антинорманизма. В небольшой статье предпринята попытка изучить истоки «роксоланской теории Д. И. Иловайского» [Плетнева, 2015]. К сожалению, эту попытку нельзя признать успешной, поскольку значительная часть статьи сводится к разбору самой концепции Иловайского, к анализу же ее истоков автор не обращается. Среди предшественников Иловайского автором выделяются две большие группы: польские историописатели XVI—XVII веков и российские XVIII—XIX веков. Кроме одного упоминания С. Герберштейна, ничего не говорится о западноевропейской традиции соотнесения роксолан с русскими. Нет также речи и о роли украинского историописания.

Существует также ряд работ, не ставивших своей целью специальное изучение роксоланской концепции, но раскрывших определённые аспекты ее истории в рамках исследования смежных вопросов. Значительный вклад внесли вышедшие в конце 1990-х годов работы А. С. Мыльников, изучавшего представления о славянском этногенезе [Мыльников, 1999, с. 45—57]. Исследователь помещал роксоланскую концепцию в исторический контекст других версий происхождения русского народа и его имени. Мыльников выявил ряд западноевропейских ученых, поддерживавших идею в XVI веке. Однако систематическое исследование истории и аргументации этой концепции не входило в его задачи.

Современный исследователь Д. В. Карнаухов рассматривал различные этногенетические гипотезы польского историописания XVI—XVII веков о происхождении русских. В ряде статей, а затем и в своей обобщающей монографии исследователь выявил основные аргументы в пользу роксоланской концепции и показал различные ее варианты для польских авторов. Кроме того, он продемонстрировал связь роксо-

ланской концепции с польским сарматизмом периода Возрождения и с иными представлениями польских историописателей об историческом пути славян [Карнаухов, 2010, с. 54—86]. В задачи автора, однако, не входило глубокое исследование взаимосвязей польского и западноевропейского историописаний в отношении роксоланской концепции (хотя и показаны связи с трактатами И. Фабри и С. Герберштейна). Поэтому Д. В. Карнаухов допустил неточность, утверждая, что именно в польском историописании XVI века «впервые высказывается предположение о происхождении термина *Russia* от древней Роксолании» [Карнаухов, 2010, с. 61]. Не установлена в книге Д. В. Карнаухова и дальнейшая судьба роксоланской концепции: ее влияние на украинское историописание XVII века и на позднейшую российскую историографию (впрочем, это не входило в задачи автора). В разное время упоминали роксоланскую версию, но не ставили своей целью ее анализ В. А. Мошин, А. И. Рогов, М. А. Алпатов, М. В. Лескинен и другие [Алпатов, 1985, с. 23—25, 63, 73; Лескинен, 1998, с. 7; Мошин, 1931, с. 121; Рогов, 1977, с. 124].

Как представляется, рассмотренные выше работы не дают точного ответа на вопрос об истоках роксоланской концепции. Она представляется недостаточно изученной как целостная и существовавшая на протяжении столетий система. Задачи настоящей статьи состоят в выявлении ее истории, эволюции и аргументации. Кроме того, статья решает задачу рассмотрения на примере роксоланской концепции особенностей взаимодействия и обмена идеями в коммуникативном пространстве европейского историописания конца XV — начала XVIII веков.

2. Роксоланская концепция в отечественной историографии XVIII—XIX веков

Актуальность роксоланской концепции для российской историографии XVIII — начала XIX веков недооценена. Исследователи российской исторической науки не раз обращали внимание на то, что одним из первых «роксоланистов» среди отечественных историописателей был М. В. Ломоносов, который отстаивал роксоланское происхождение варяжской руси в стенах Санкт-Петербургской Академии наук в 1749—1750 годах [Ломоносов, 1952, с. 28—29]. Академическое собрание тогда подвергло рассмотрению речь «О происхождении народа и имени российского» другого профессора Академии Г. Ф. Миллера. Он утверждал, что имя *русь* связано со скандинавами, а русский народ частично имеет скандинавские корни [Миллер, 2006].

Через несколько лет после дискуссии, стоившей Г. Ф. Миллеру поста ректора Академического университета, М. В. Ломоносов систематически изложил свои взгляды в «Древней российской истории». Ломоносов полагал, что роксоланы были славянским племенем, а их название образовано из двух: россы и аланы. Из первоначального региона обитания — Северного Причерноморья — роксоланы, согласно Ломоносову, переселились на южнобалтийское побережье, доказательство чему он видел в местной топонимии. Ломоносов утверждал, что постепенное имя *роксолан* сократилось до *россы*, а вскоре они были призваны в Новгород [Ломоносов, 1766, с. 44, 48—50, 53—54]. Помимо Ломоносова, считали роксолан славянами и рассма-

тривали их в качестве возможных предков руси и другие российские авторы исторических сочинений XVIII века: А. И. Манкиев, В. К. Тредиаковский, Ф. А. Эмин [Манкиев, 1770, с. 10; Тредиаковский, 1849, с. 388—398; Эмин, 1767, с. 24, 46].

Поразительно, но Г. Ф. Миллер, так яростно обличавший роксоланскую концепцию в 1749 году, в своих публикациях 1760—1770-х годов приблизился ко взглядам Ломоносова и допустил, что античные роксоланы были предками варяжской руси. Как и Ломоносов, Миллер утверждал, что роксоланы мигрировали из Северного Причерноморья на Балтику перед призванием в Новгород. Правда, роксоланы представлялись Миллеру не славянами, а готами по своей этнической принадлежности [Миллер, 1773, с. 109—111].

Различные теории происхождения русского народа, варяжской руси и имени *русь* выстраивались и историками XIX века. Н. М. Карамзин приводил роксоланскую версию как одну из возможных, сближаясь в этнической дефиниции роксолан с П. Г. Бутковым, Ф. Крузе, Г. Ф. Миллером, Г. Эверсом, а в особенности Д. И. Иловайским, которые уделяли роксоланам значительное внимание в своих работах [Бутков, 1836, с. 131; Иловайский, 1876, с. 263—269; Карамзин, 1818, с. 50; Крузе, 1838, с. 517; Эверс, 1825, с. 194—195]. Продолжение и развитие их идеи получили в XX веке в концепции Г. В. Вернадского [Vernadsky, 1943, p. 258—285]. Как уже указывалось, в определенной степени роксоланская концепция повлияла и на некоторых советских исследователей.

Критика роксоланской концепции была дана в XIX веке. Один из изводов «роксоланизма» детально разобрал А. А. Куник в 1850 году [Kunik, 1850, S. 337—344]. В ходе полемики с Д. И. Иловайским критические заметки публиковали В. Г. Васильевский и П. Н. Милюков [Васильевский, 1882, с. 141—142; Милюков, 1886, с. 254—256]. Отказ от серьезного рассмотрения роксоланской концепции произошел благодаря развитию критики источников, вспомогательных исторических дисциплин и лингвистики. Концепция происхождения русских и / или их имени от роксолан была также опровергнута благодаря исследованиям истории сарматских народов, в которых была продемонстрирована действительная историческая судьба роксолан [Кулаковский, 1899; Петрухин, 2004, с. 131—133; Sulimirski, 1970, p. 120—127].

3. Истоки роксоланской концепции и ее распространение в европейском историописании XV—XVI веков

Как указывалось выше, в современной отечественной исторической науке сформировалось представление о том, что возникновение роксоланской концепции происхождения русских связано с польским историописанием. Однако в действительности идея о происхождении русских от роксолан пришла из Италии. По крайней мере, первое известное утверждение об идентичности русских и роксолан было сделано Энеем Сильвием Пикколомини (ум. 1464), избранным на папский престол под именем Пия II. Пикколомини был одним из самых сведущих итальянских писателей-гуманистов раннего Возрождения. Большинство его трудов опубликовано *post mortem* во второй половине XV века, однако после публикации и на протяжении столетия они составляли золотой фонд гуманистической литературы и были

весьма популярны. В сочинении «О состоянии Европы в правление Фридриха III» (первое издание — 1490 год) Пикколомини утверждал, что «русские (*rutheni*)» (которых Страбон, кажется, именует россанами) сопредельны с Литвой» [Piccolomini, 1717 p. 115; Эверс, 1825, с. 198].

Как правильно указывал Д. В. Карнаухов, в Польше впервые роксолан в связи с историей руси упомянул М. Меховский (1457—1523) в своем «Трактате о двух Сарматиях». Пикколомини был одним из его источников. В 1512 году вышло краковское издание сочинения Пикколомини. Именно в это время в Кракове над своим «Трактатом» работал М. Меховский. У Меховского имеются и прямые ссылки на труды римского папы [Меховский, 1936, с. 14—15]. Кроме того, важным представляется, что Меховский в 1480-х годах несколько лет провел в университетах Италии, а в 1499 году посетил Рим по случаю юбилейных торжеств, организованных папой [Там же, с. 18].

Доказательством первенства Пикколомини является и то, что по крайней мере еще три западноевропейских историописателя начала XVI века упоминают о русских-роксоланах независимо от М. Меховского. Один из них — Рафаэль Маффеи по прозвищу Волатеран (ум. 1521) — также был итальянцем. В 1506 году он писал, что русские (*рутены*) были известны как «роксоланы у Плиния и Птолемея» и «роксаны у Страбона <...> Некогда они сражались с полководцами Митридата Евпатора под предводительством царя Тасия ...» [Кудрявцев, 1998, с. 36].

Два других автора работали в университете Ростока. Старший из них А. Кранц (ок. 1450—1517), очевидно, использовал сочинение Э. Пикколомини (оно упомянуто в предисловии), когда написал о том, что «русские (*Russia*) названы Плинием роксиланами (*Roxilanam*) или роксанами» [Krantzii ..., 1580, p. 3]. Н. Маршалк, воспользовавшись сочинением Кранца, вместо имени *русские* писал *роксоланы* [Пауль, 2015, с. 9]. Таким образом, именно от сочинения Пикколомини идея о взаимосвязи античных роксоланов и русских распространилась среди европейских интеллектуалов.

Пикколомини не развивал подробно идею о том, как роксоланы эволюционировали в русских. М. Меховский, в свою очередь, мог вообще не предполагать генетической связи между ними. Он писал, что «Руссия» некогда называлась «Роксоланией» и «... в давние века у реки Танаиса (Дон. — С. С.) жили аланы, а за ними к югу роксоланы. Эти народы были совершенно уничтожены и погибли ...» [Меховский, 1936, с. 94].

Однако после Меховского, как было показано Д. В. Карнауховым и другими исследователями, большинство польских историописателей XVI века, в том числе Б. Ваповский, М. Бельский, С. Ореховский, М. Кромер, Я. Красиньский, А. Гваньини, М. Стрыйковский, С. Сарницкий, ассоциировали русских с роксоланами [Карнаухов, 2010, с. 61—73]. Причем, в отличие от Меховского, эти авторы были убеждены в том, что роксоланы являлись предками русских.

В связи с этим следует обратить внимание, что в Польше XVI века под русскими (которых часто называли по латыни *rhuteni*) могли понимать только православное население, жившее в пределах Польши. Сам М. Меховский дал этому повод, когда утверждал, что «во главе народа рутенов (так Меховский называл русских. —

С. С.) стоят знатные люди из поляков» [Меховский, 1936, с. 173]. Больше деталей концепция получила у М. Кромера, который проводил четкое различие между русскими и москвитами. Первые происходят от роксолан, а вот вторые, по мнению Кромера, имели среди своих предков дикий народ москов, обитавший некогда в Каппадокии, и библейского Мосоха, внука Ноя [Cromer ..., 1555, p. 15].

Однако другие польские историописатели рассматривали восточнославянское население Речи Посполитой и жителей Московии как единый русский народ. Соответственно, роксоланы считались предками русских, проживавших по обе стороны границы. Такой взгляд был представлен, например, у М. Стрыйковского и Я. Крассиньского [Strykowski, 1846, p. 108—109; Карнаухов, 2010, с. 82]. Существовал также вариант Б. Ваповского и М. Бельского, при котором роксоланы объявлялись предками всех славянских народов [Карнаухов, 2010, с. 70].

С 1520-х годов роксоланская концепция начала набирать популярность по всей Европе. Причем популярность эту обеспечивал в том числе и «Трактат» Меховского. Сразу же после первого издания в Польше он был переведен на немецкий и опубликован в Аугсбурге (1518) и позднее в Париже (1532) и Базеле (1537). В 1523 году был напечатан перевод книги Меховского на итальянский язык. До конца столетия вышло еще по крайней мере 4 итальянских издания. Издавали Меховского за рубежом и в латинском оригинале [Меховский, 1936, с. 6—9].

Среди последователей Меховского был И. Фабри, епископ и духовник эрцгерцога австрийского Фердинанда Габсбурга. В своей «Религии москвитов» (1525) он писал, что «народы, теперь называемые нами общим именем москвиты, некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами, коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росоланами, а равно и Страбон ...» [Кудрявцев, 1998, с. 17].

Одновременно с Фабри к теме обращались врач римских пап П. Иовий (1526) и немецкий гуманист В. Пиркгеймер (1540) [Иовий, 1836, с. 27; Кудрявцев, 1998, с. 33]. Некоторые другие авторы этого круга перечислены в работе А. С. Мыльниковой [Мыльников, 1999, с. 45]. Примечательно, что роксоланскую версию как поддерживаемую большинством упоминает в своем популярнейшем сочинении С. Герберштейн [Герберштейн, 1988, с. 57—58].

Таким образом, в течение XVI века роксоланская версия происхождения русских действительно получила огромную популярность в Европе. Наиболее проработанные варианты этой идеи возникли в Польше, чему способствовала идеология сарматизма, господствовавшая среди польского нобилитета в XVI—XVII веках. Сарматизм предполагал обращение к античной древности для поиска корней своего народа. Поляки были объявлены потомками сарматов. Вполне логично, что русские-рутены Польского королевства представлялись потомками одного из сарматских племен.

4. Связь российского историописания XVIII века и европейских концепций

В российской исторической науке сложилось однозначное убеждение, что одним из главных источников мнения Ломоносова и других российских авто-

ров XVIII века о роксоланском происхождении русских был «Киевский синопсис», историческое сочинение, созданное на Украине и впервые напечатанное в 1674 году [Мельникова, 2009, с. 57]. «Синопсис» был весьма популярен, выдержал в XVIII веке множество изданий, был хорошо известен Ломоносову и другим историкам XVIII века. В «Синопсисе» говорилось, что некие славянские народы «нарицаху ся росси, а иныи аляны, а потом прозвашася роксоляны, аки бы “росси” и “аляны”» [Киевский синопсис, 1836, с. 11]. Автор «Синопсиса» опирался на польское историописание, дословно цитируя в вышеупомянутом пассаже сочинение А. Гваньини (итальянца на польской службе) [Gwagnin, 1860, p. 186].

Однако М. В. Ломоносов по вопросу о роксоланах предпочитал ссылаться не на «Синопсис», а на другие источники. Среди них было географическое сочинение Х. Целлария «Представление о древних странах или полная география», выпущенное в 1701—1706 годах. Целларий, как писал Ломоносов, утверждал, что «слово роксоланы составлено из слов россы и аланы» [Ломоносов, 1952, с. 46]. Другой источник Ломоносова — сочинение немецкого филолога и историка И.-Х. Шёттгена (издано в 1731 году), доказывавшего, что народ рутенский (то есть русский) происходит от племени роксолан [Миллер, 2006, с. 369—370].

Роксоланская версия содержалась в обобщающих и справочных изданиях, таких как достаточно популярная в Европе «An universal history from the earliest account of time to the present» («Всеобщая история с древнейших времен до настоящего времени»), издаваемая Лондонским королевским обществом с 1736 года (в России была известна М. В. Ломоносову и В. К. Тредиаковскому в немецком переводе). В этом труде среди народов, покоренных Митридатом, указывались «роксоланы, от которых ныне выводят русских или московитов» [Ломоносов, 1952, с. 26, 554; Тредиаковский, 1849, с. 375, 392].

Таким образом, в российское историописание XVIII века роксоланская концепция пришла не как маргинальная идея, но как популярная система, длительное время распространявшаяся в европейской историографии, причем в различных странах. М. В. Ломоносов прекрасно понимал это и потому ставил в укор Г. Ф. Миллеру во время их дискуссии, что немецкий ученый порицает мнение, которое «от европейских славных авторов и от целых ученых собраний приемлется» [Ломоносов, 1952, с. 41]. Единое европейское ученое пространство вполне функционировало уже в XVI веке, и латинский язык облегчал трансфер идей. К XVIII веку популярность роксоланской идеи, по-видимому, несколько снизилась, однако она все еще была достаточно авторитетна, чтобы как М. В. Ломоносов, так и его оппонент Г. Ф. Миллер могли ссылаться на нее.

5. Аргументация в пользу роксоланской концепции и причины популярности

С точки зрения учености раннего Нового времени, роксоланская концепция была весьма неплохо аргументирована. В основном авторы артикулировали два доказательства: созвучие имен и близость территории античных роксолан и русских. Важную роль играла и средневековая традиция использования антикizziрующей этнонимии. Выше уже несколько раз указывалось, что русских нередко именовали

рутенами. Rhuteni (лат.) — античный народ, упомянутый в «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря. Такая антикизация была весьма популярна и в Западной Европе, и в Польше. М. Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» поясняет в начале своего сочинения одно имя с помощью другого — «в Европейской [Сарматии] есть области: руссов или рутенов» [Меховский, 1936, с. 46]. Похожим образом писал и С. Герберштейн: «Народ этот <...> называющий себя на родном своем языке *Russi* <...> по-латыни именуемый *Rhuteni* ...» [Герберштейн, 1988, с. 58]. В случае с роксоланами, очевидно, дополнительную роль играло созвучие имен. Некоторые западноевропейские авторы даже пытались объяснить, как из имени *роксоланы* получилось имя *русские* [Мыльников, 1999, с. 46], как варианты *роксоланы*, *Роксолания* в качестве правильного, «классического» названия для русских и России на латыни начали вытеснять именованья *рутены*, *Рутения*.

Однако представляется весьма важным отметить, что в условиях Нового времени европейские ученые не просто пользовались словом *роксоланы*, чтобы «антикизировать» имя русского народа, но и в действительности связывали историю русских с роксоланами. Не известно ни одного примера, когда подобным образом поступали бы с рутенами или другими народами античности, именами которых только лишь обозначали русских в Средние века. В такой логике войны роксолан с понтийским царем Митридатом представлялись фактом из русской истории.

Схожую тенденцию можно отметить в раннее Новое время и в отношении других случаев «антикизации» (даже в тех, когда не было очевидного созвучия). История античных вандалов, например, считалась в германской историографии нового времени историей славян, поскольку существовало убеждение, что вандалы — это славяне [Steinacher, 2004]. Античные корни своих народов искали, например, в Швеции. Шведские историки XVI—XVII веков были убеждены, что их предками являлись античные готы, а потому и вся слава готских деяний по праву принадлежит шведам. Во второй половине XVII века шведский ученый О. Рюдбек доказывал, что древние шведы скрываются в античных источниках под именем гипербореев [Kurt, 1991].

В период раннего Нового времени происхождение народов было одним из наиболее интересных сюжетов для европейских историописателей. Исследователи объясняют этот интерес начавшимся процессом формирования современных наций. Национальная самоидентификация была невозможна без выстраивания четкой исторической линии, у которой должна быть некая точка отсчета. Интересно, что именно в этот период в европейской литературе повсеместно распространяется понятие *ratio*, которое становится одним из самых частых слов в латиноязычных текстах. Кажется, даже больше, чем в Западной Европе, этногенетическими построениями были увлечены историки из Восточной Европы, в особенности польские и литовские. В XVI веке польское слово *naród*, эквивалент для латинского *ratio*, оказывается среди двухсот наиболее употребительных слов, достигая примерно одинаковой частотности со словами *мать*, *брат* или *огонь* [Althoen, 2003, s. 479]. Именно в раннее Новое время в Польше создается так называемый «сарматский миф», ставший базой для идеологии сарматизма, распространенной среди польской знати раннего Нового времени [Cynarski, 1968].

Указанные выше аргументы использовались и в работах российских историков-описателей XVIII века. В частности, М. В. Ломоносов утверждал, что «народ российский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка. Ибо никою мерою статься не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после него на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения» [Ломоносов, 1952, с. 29].

6. Заключение

Пример роксоланской версии показывает, насколько важно исследовать генезис идеи в определенном пространстве или среде, которая сообщается посредством выработанного и устойчивого языка. Такую среду вслед за В. П. Корзун и В. Г. Рыженко можно назвать коммуникативным полем (этот термин был предложен еще П. Бурдьё, хотя французский ученый в значительной мере вкладывал в это понятие социальный смысл). Коммуникативное поле формирует принятый дискурс и своеобразную инерцию, которая может долгое время воздействовать на акторов, коммуницирующих в рамках этого поля.

Идея о происхождении русского народа и его имени от роксолан тесно связана с эпохой Ренессанса. Мысль зародилась в среде гуманистов на заре итальянского Возрождения и позднее приобрела популярность в Речи Посполитой в период Возрождения польского. Роксоланская концепция вполне соотносилась с ренессансными установками на «возвращение» к наследию Античности. Концепция была частью своеобразного античного дискурса, которого придерживались все ученые той эпохи при исследовании этногенетических проблем. Античный дискурс в этногенетических вопросах предполагал, что народы современные обязательно существовали уже в античной древности, возможно, под несколько отличными именами. В силу территориальной удаленности рутены Аквитании, от которых произошел средневековый латинизированный экзоэтноним *русские*, не годились на роль таких античных предков. Роксоланы же, в античную эпоху обитавшие в Северном Причерноморье, прекрасно подошли.

Применительно к роксоланской идее, вероятно, мало смысла имеет обсуждать на современном этапе развития науки факты, опровергающие ее реальность. Сама роксоланская концепция является фактом, а ее возникновение и функционирование — темой для исследования. Интеллектуальная история настоятельно требует восстановления интеллектуального контекста, в котором генерировалась та или иная идея. Только на этой основе возможно дать верные ответы на вопросы: почему идея вообще возникла, как она приобрела популярность и какое значение ей придавали современники.

Кстати, если считать роксоланскую концепцию своеобразным маркером Ренессанса, то можно говорить о том, что в украинской историографии эта эпоха наступила с 1670-х годов (когда роксоланскую концепцию репродуцирует «Синопис»). В Россию же Ренессанс приходит в начале XVIII века вместе с украинским духовенством, занявшим многие ключевые посты в Русской православной церкви.

Архиепископ Феофан (Прокопович), конечно же, прекрасно знакомый с роксоланской концепцией, в качестве латинского заглавия для своей речи на смерть Петра Великого выбрал «*Lacrimae Roxolanae*», то есть «роксоланские слезы» [Миллер, 2006, с. 370]. А наиболее «ренессансными» из российских историков XVIII века являлись М. В. Ломоносов, В. К. Тредиакowski и Ф. А. Эмин, горячо поддерживавшие роксоланскую концепцию. Как и авторы эпохи Ренессанса, они полагали, что русский народ должен был существовать в античности, пусть даже и не под своим именем. Но, как писал Ломоносов (с ним наверняка согласились бы Пикколомини, Меховский и другие), «народы от имен не начинаются, но имена народам даются», а «имя славенское <...> много древнее у самих народов употреблялось, нежели в Грецию или в Рим достигло и вошло в обычай» [Ломоносов, 1952, с. 178].

Источники

1. Бутков П. Г. О Руси и Рюсalande / П. Г. Бутков // Сын отечества. — 1836. — № 1. — С. 26—44.
2. Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн. — Москва : МГУ, 1988. — 430 с.
3. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю / Д. И. Иловайский. — Москва : Тип. Грачева и К, 1876. — 474 с.
4. Иовий П. Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем / П. Иовий // Библиотека иностранных писателей о России. — Санкт-Петербург : III отделение собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. — Отд. I. — Т. I. — Ч. IV. — С. 1—93.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1818. — Т. I. — 263 с.
6. Киевский синопсис или краткое собрание от различных летописцев. — Киев : Киевопечерская лавра, 1836. — 150 с.
7. Крузе Ф. О древнейшем существовании русских в России и Византии, под названием готфов, варягов, федератов и руссов, до основания Российского государства / Ф. Крузе // Журнал министерства народного просвещения. — 1838. — Ч. XVII. — С. 499—532.
8. Кудрявцев О. Ф. Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» / О. Ф. Кудрявцев // Россия и Германия. — Москва : ИВИ РАН, 1998. — Вып. I. — С. 15—43.
9. Ломоносов М. В. Древняя российская история / М. В. Ломоносов. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1766. — 146 с.
10. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1952. — Т. 6 : Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг. — 695 с.
11. Манкиев А. И. Ядро российской истории / А. И. Манкиев. — Москва : Императорский Московский университет, 1770. — 416 с.
12. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. — Москва : Ленинград : АН СССР, 1936. — 288 с.
13. Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших / Г. Ф. Миллер. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1773. — 132 с.
14. Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского / Г. Ф. Миллер // Фомин В. В. Ломоносов : Гений русской истории. — Москва : Русская панорама, 2006. — С. 366—398.

15. *Предки наших предков*. Русский каганат [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/61663/episode_id/1479973/.
16. *Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских / В. К. Тредиаковский // Сочинения. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1849. — Т. 3. — С. 319—539.
17. *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории / Г. Эверс. — Москва : Университетская тип., 1825. — 366 с.
18. *Эмин Ф. А.* Российская история / Ф. А. Эмин. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1767. — Т. 1. — 452 с.
19. *Cromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX / M. Cromer. — Basilieae : per Ioan nem Oporium, 1555. — 724 p.
20. *Gwagnin A. Z.* Kroniki Sarmacyi Europskiej / A. Gwagnin. — Krakow : Nakladem wydawnictwa biblioteki polskiej, 1860. — 380 p.
21. *Krantz A.* Wandalia / A. Krantz. — Francofurti : Andreae Wecheli, 1580. — 350 p.
22. *Piccolomini A. S.* de Statu Europae sub Friderico III liber / A. S. Piccolomini // Rerum Germanicarum Scriptores. — Argentorati, 1717. — Vol. II. — 511 p.
23. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka / M. Strykowski. — Warszawa : Naklad Gustawa Leona Glucksberga, 1846. — Т. 1. — 520 p.
24. *Vernadsky G.* Ancient Russia / G. Vernadsky. — New Haven : Yale University Press, 1943. — 425 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов. — Москва : Наука, 1985. — 263 с.
2. *Васильевский В. Г.* О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан / В. Г. Васильевский // Журнал министерства народного просвещения. — 1882. — Ч. 222. — С. 140—190.
3. *Галкина Е. С.* Тайны Русского каганата / Е. С. Галкина. — Москва : Вече, 2002. — 428 с.
4. *Карнаухов Д. В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / Д. В. Карнаухов. — Новосибирск : НГПУ, 2010. — 291 с.
5. *Корзун В. П.* Коммуникативное поле современной исторической науки : от размышлений историографов к опытам описания / В. П. Корзун, В. Г. Рыженко // Диалог со временем. — 2011. — Вып. 37. — С. 24—44.
6. *Кузьмин А. Г.* Два вида русов в юго-восточной Прибалтике / А. Г. Кузьмин // Антиномизм : Сборник Русского исторического общества. — 2003. — № 8 (156). — С. 192—213.
7. *Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей / Ю. А. Кулаковский. — Киев : Университет св. Владимира, 1899. — 77 с.
8. *Лескинен М. В.* Образ сармата в истории. На пути формирования национального самоосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII в. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / М. В. Лескинен. — Москва, 1998. — 32 с.
9. *Мельникова Е. А.* Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке / Е. А. Мельникова // Родина. — 2009. — № 3. — С. 56—58 ; № 5. — С. 55—57.

10. Милюков П. Н. Рец. на кн. : Иловайский Д. И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому / П. Н. Милюков // Русская мысль. — 1886. — № 4. — С. 254—256.
11. Мошин В. А. Варяго-русский вопрос / В. А. Мошин // *Slavia. Časopis pro slovan-skou filologii*. — 1931. — Ročník X. — Sešit 1. — Pp. 109—136
12. Мыльников А. С. Картина славянского мира : взгляд из Восточной Европы : Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века / А. С. Мыльников. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. — 400 с.
13. Пауль А. Роксоланы с острова Рюген : хроника Николая Маршалка как пример средневековой традиции отождествления рюгенских славян и русских / А. Пауль // Исторический формат. — 2015. — № 1. — С. 5—30.
14. Петрухин В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — Москва : Знак, 2004. — 416 с.
15. Плетнева А. В. Истоки роксаланской теории Д. И. Иловайского / А. В. Плетнева // Вестник Пермского университета. История. — 2015. — № 2 (29). — С. 78—87.
16. Радомский Я. Л. Этнический состав Причерноморской Руси : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Я. Л. Радомский. — Москва, 2004. — 291 с.
17. Рогов А. И. Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Вельского / А. И. Рогов // Новое о прошлом нашей страны. — Москва : Наука, 1967. — С. 123—136.
18. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1982. — 590 с.
19. Седов В. В. Славяне : Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 624 с.
20. Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь : к итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В. В. Фомин. — Москва : Русская панорама, 2005. — 486 с.
21. Althoen D. Natione Polonus and the Narod Szlachecki. Two Myths of National Identity and Noble Solidarity / D. Althoen // *Zeitschrift fuer Ostmitteleuropaforschung*. — 2003. — Vol. 52. — № 4. — S. 475—508.
22. Cynarski S. The shape of Sarmatian Ideology in Poland / S. Cynarski // *Acta Poloniae Historica*. — 1968. — T. XIX. — S. 5—17.
23. Kunik A. A. Pseudorussische Roxalanen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik Ein Notum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der *AntiQuites Russes* / A. A. Kunik // *Bulletin de la classe historico-philologique de l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersb.* — 1850. — Vol. 7. — № 18—23. — S. 337—344.
24. Kurt J. The Renaissance of the Goths in sixteenth-century Sweden : Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians / J. Kurt. — Berkeley : University of California Press, 1991. — 282 p.
25. Steinacher R. Wenden, Slawen, Vandalen. Eine Fruhmittelalterliche Pseudologische Gleichsetzung und Ihre Nachwirkungen / R. Steinacher // *Die Suche nach den Ursprungen. Von der Bedeutung des fruhen Mittelalters*. — Wien : Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2004. — S. 329—353.
26. Sulimirski T. The Sarmatians / T. Sulimirski. — London : Thames & Hudson, 1970. — 267 p.

ORIGIN OF THE “PEOPLE AND THE NAME OF THE RUSSIAN” FROM THE ROXOLAN TRIBE: ON THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF IDEAS IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF EARLY NEW AGE¹

© Sergey V. Sokolov (2019), orcid.org/0000-0002-2647-7355, ResearcherID J-6837-2017, SPIN 4691-5112, PhD in History, associate professor, Chair of Russian History, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), srg.sokolov@gmail.com.

The question of the origin, functioning and evolution in the historiography of the early New Age of an idea that raises the origin of the Russian people to the Roxolani is considered in the article. Particular attention is paid to the study of the transition of the Roxolan idea from the Italian humanists of the Renaissance through Polish historians of the 16th century to the works of Russian historians of the 18th - early 19th centuries. The author dwells in detail on the argument in favor of the Roxolan concept. It is shown that the historiography of the New Age should be considered as a single communicative space, providing information exchange between historians of different regions. The author comes to the conclusion that in the Roxolan version we are dealing with a powerful intellectual tradition related to the ethnogenetic searches of the early New Age. It is proved that these searches were typical of various national schools of historical writing. The article provides an overview of the work of modern followers of the Roxolan concept and concludes that in these attempts you can see a kind of dialogue with pre-scientific knowledge and a certain inertia of the scientific ideas of the early New Age.

Key words: Roxolani; sarmatism; communicative fields; historiography of the Renaissance; M. V. Lomonosov.

MATERIAL RESOURCES

- Butkov, P. G. (1836). O Rusi i Ryusalande. *Syn otechestva, 1*: 26—44. (In Russ.).
- Cromer, M. (1555). *De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*. Basilieae: per Ioan nem Oporium. (In Latin.)
- Emin, F. A. (1767). *Rossiyskaya istoriya, 1*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russ.).
- Evers, G. (1825). *Predvaritelnyye kriticheskiye issledovaniya dlya rossiyskoy istorii*. Moskva: Universitetskaya tip. (In Russ.).
- Gerbershteyn, S. (1988). *Zapiski o Moskovii*. Moskva: MGU. (In Russ.).
- Gwagnin, A. Z. (1860). *Kroniki Sarmacyi Europskiej*. Krakow: Nakladem wydawnictwa biblioteki polskiej. (In Pols.).
- Ilovayskiy, D. I. (1876). *Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu*. Moskva: Tip. Gracheva i K. (In Russ.).
- Ioviy, P. (1836). Kniga o posolstve, otravlennoy Vasiliyem Ioannovichem. In: *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii, 1 (IV)*. Sankt-Peterburg: III otdeleniye sobstvennoy E. I. V. kantselyarii. Otd. I. 1—93. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. (1818). *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo, 1*. Sankt-Peterburg: Tip. N. Grecha. (In Russ.).
- Kiyevskiy sinopsis ili kratkoye sobraniye ot razlichnykh letopistsev. (1836). Kiyev: Kiyevopecherskaya lavra. (In Russ.).
- Krantz, A. (1580). *Wandalia*. Francofurti: Andreae Wecheli. (In Germ.).

¹ The article was prepared as part of the implementation of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 33.8064.2017 / BCh “Communicative fields of existence of innovative processes in Russia of the New Age: genesis, functioning, transformations”.

- Kruze, F. (1838). O drevneyshem sushchestvovanii russkikh v Rossii i Vizantii, pod nazvaniyem gotfov, varyagov, federatov i russov, do osnovaniya Rossiyskogo gosudarstva. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, XVII: 499—532. (In Russ.).
- Kudryavtsev, O. F. (1998). Traktat Ioganna Fabri «Religiya moskovitov». In: *Rossiya i Germaniya*, I. Moskva: IVI RAN. 15—43. (In Russ.).
- Lomonosov, M. V. (1766). *Drevnyaya Rossiyskaya istoriya*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russ.).
- Lomonosov, M. V. (1952). Trudy po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. In: *Polnoye sobraniye sochineniy*, 6: 1747—1765 gg. Moskva; Leningrad: AN SSSR. (In Russ.).
- Mankiyev, A. I. (1770). *Yadro Rossiyskoy istorii*. Moskva: Imperatorskiy Moskovskiy universitet. (In Russ.).
- Mekhovskiy, M. (1936). *Traktat o dvukh Sarmatiyakh*. Moskva: Leningrad: AN SSSR. (In Russ.).
- Miller, G. F. (1773). *O narodakh izdrevle v Rossii obitavshikh*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2006). O proiskhozhdenii imeni i naroda Rossiyskogo. In: Fomin, V. V. *Lomonosov: Geniy russkoy istorii*. Moskva: Russkaya panorama. 366—398. (In Russ.).
- Piccolomini, A. S. (1717). de Statu Europae sub Friderico III liber. In: *Rerum Germanicarum Scriptores*, II. Argentorati. (In Ital.).
- Predki nashikh predkov. Russkiy kaganat*. Available at: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/61663/episode_id/1479973/. (In Russ.).
- Strykowski, M. (1846). *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka*, I. Warszawa: Naklad Gustawa Leona Glucksberga. (In Pols.).
- Trediakovskiy, V. K. (1849). Tri rassuzhdeniya o trekh glavneyshikh drevnostyakh rossiyskikh. *Sochineniya*, 3. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 319—539. (In Russ.).
- Vernadsky, G. (1943). *Ancient Russia*. New Haven: Yale University Press.

REFERENCES

- Alpatov, M. A. (1985). *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII — pervaya polovina XIX v.)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Althoen, D. (2003). Natione Polonus and the Narod Szlachecki. Two Myths of National Identity and Noble Solidarity. *Zeitschrift fuer Ostmitteleuropaforschung*, 52 (4): 475—508.
- Cynarski, S. (1968). The shape of Sarmatian Ideology in Poland. *Acta Poloniae Historica*, XIX. 5—17.
- Fomin, V. V. (2005). *Varyagi i varyazhskaya Rus': k itogam diskussii po varyazhskomu voprosu*. Moskva: Russkaya panorama. (In Russ.).
- Galkina, E. S. (2002). *Tayny Russkogo kaganata*. Moskva: Veche. (In Russ.).
- Karnaukhov, D. V. (2010). *Kontseptsii istorii srednevekovoy Rusi v polskoy khronografii epokhi Vozrozhdeniya*. Novosibirsk: NGPU. (In Russ.).
- Korzun, V. P., Ryzhenko, V. G. (2011). Kommunikativnoye pole sovremennoy istoricheskoy nauki: ot razmyshleniy istoriografov k opytam opisaniya. *Dialog so vremenem*, 37: 24—44. (In Russ.).
- Kulakovskiy, Yu. A. (1899). *Alany po svedeniyam klassicheskikh i vizantiyskikh pisateley*. Kiev: Universitet sv. Vladimira. (In Russ.).

- Kunik, A. A. (1850). Pseudorussische Roxalanen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik Ein Notum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der *AntiQuites Russes*. *Bulletin de la classe historico-philologique de l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersb.*, 7 (18—23): 337—344. (In Germ.).
- Kurt, J. (1991). *The Renaissance of the Goths in sixteenth-century Sweden: Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians*. Berkeley: University of California Press.
- Kuzmin, A. G. (2003). Dva vida rusov v yugo-vostochnoy Pribaltike. In: *Antinormanizm: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, 8 (156): 192—213. (In Russ.).
- Leskinen, M. V. (1998). *Obraz sarmata v istorii. Na puti formirovaniya natsionalnogo samo-osoznaniya narodov Rechi Pospolitoj vo vtoroy polovine XVI — pervoy polovine XVII v.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03*. Moskva. (In Russ.).
- Melnikova, E. A. (2009). Renessans srednevekovya? Razmyshleniya o mifotvorchestve v sovremennoy istoricheskoy nauke. *Rodina*, 3: 56—58; 5: 55—57. (In Russ.).
- Milyukov, P. N. (1886). Rets. na kn.: Ilovayskiy, D. I. *Dopolnitelnaya polemika po voprosam varyago-russkomu i bolgaro-gunnskomu*. *Russkaya mysl'*, 4: 254—256. (In Russ.).
- Moshin, V. A. (1931). Varyago-russkiy vopros. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, X (1): 109—136 (In Russ.).
- Mylnikov, A. S. (1999). *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Predstavleniya ob etnicheskoy nominatsii i etnichnosti XVI — nachala XVIII veka*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russ.).
- Paul, A. (2015). Roksolany s ostrova Ryugen: khronika Nikolaya Marshalka kak primer srednevekovoy traditsii otozhdestvleniya ryugenskikh slavyan i russkikh. *Istoricheskiiy format*, 1: 5—30. (In Russ.).
- Petrukhin, V. Ya., Rayevskiy, D. S. (2004). *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekovye*. Moskva: Znak. (In Russ.).
- Pletneva, A. V. (2015). Istoki roksalanskoy teorii D. I. Ilovayskogo. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2 (29): 78—87. (In Russ.).
- Radomskiy, Ya. L. 2004. *Etnicheskiiy sostav Prichernomorskoj Rusi: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Rogov, A. I. (1967). Izvestiya po istorii Rossii v «Khronike vsego sveta» Martina Velskogo. In: *Novoye o proshlom nashey strany*. Moskva: Nauka: 123—136. (In Russ.).
- Rybakov, B. A. (1982). *Kiyevskaya Rus' i russkiye knyazhestva XII—XIII vv*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Sedov, V. V. (2002). *Slavyane: Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Steinacher, R. (2004). Wenden, Slawen, Vandalen. Eine Fruhmittelalterliche Pseudologische Gleichsetzung und Ihre Nachwirkungen. In: *Die Suche nach den Ursprungen. Von der Bedeutung des fruhen Mittelalters*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. 329—353. (In Germ.).
- Sulimirski, T. (1970). *The Sarmatians*. London: Thames & Hudson.
- Vasilyevskiy, V. G. (1882). O mnimom slavyanstve gunnov, bolgar i roksolan. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 222: 140—190. (In Russ.).